

Сегодня, - 1995 - 24 окт. - 15

Все в облике одном предчувствую тебя

Мстислав Ростропович —

в пользу строительства Храма Христа Спасителя.

Юлия Бедерова

В

от парадный подъезд. Вот парадный концерт. Вот — скромный кирпичный заводик. Несколько ровных румяных кирпичей для постройки символа Новой России слепят на средства от концерта человека, артиста и гражданина. Гражданину от этого станет теплее. Груз страданий, навеянных страданиями страны, упадет с его натруженных плеч. Милый, добрый, искренний гражданин, исправно выплачивающий свой «налог Богу» (кажется, так он назвал благотворительные концерты в одном из давних интервью). Красота затеи сыграть прекрасную музыку в Большом зале и на строительной площадке, добрые намерения — не вызывают сомнений.

Когда-то юный человек с душой артиста и зататками неутомимого общественного деятеля ходил мимо дымной лужи, где массово купались, обретая кто здоровье, кто удовольствие, кто болезни, и очень печалился, что на этом месте уже нет красивой постройки. Тем более — Храма; тем более — Христа Спасителя. Позже пришло осознание, что заново выстроенная церковь непременно станет златоглавым символом Новой России. Тот ранний трепет артистической души понятен. Это нынешнее упование на гремяще-тягостный государственный символизм, сопровождаемый навязчивым идеологическим гулом, вызывает тихую оторопь. Изображение дублируется. С одной стороны, мастер обладает завидным даром, играя, стирая из памяти слушающего всякие признаки окружающей шелухи. Сложнейшее благородство Первого виолончельного концерта Гайдна, несмотря на технические несовершенства во второй и третьей частях (больше — в БЗК), вылилось на будущий символ и облуживающий его становление персонал потоками классицистского света и русской исполнительской традиции. Первый виолончельный Шостаковича прозвучал так замкнуто, что показалось: публика случайно очутилась там, где читают частное письмо. И шоу вокруг не имеет к чтению ни малейшего отношения.

С другой стороны, шоу так продолжается уже годами и грозит превратиться в самоценную вечность. С каждым разом его новые версии становятся все эпохальнее и уникальнее. Страна действительно **никогда** такого не видела и, вероятно, не увидит. Когда храм освятят, всякий художественный жест в его гулке пространство станет невозможен.

Пока же со стороны Дома на набережной, с моста над грязной Москва-рекой открывается ошеломляющий вид: громоздкое бетонное сооружение с лесами и кранами, с огнями и шумами предстает величественным индустриальным монстром. Своеобразная красота его настолько сильна, лаконичные очертания столь вы-

разительны, что хочется оставить его как есть. Не отходить ни на шаг и дивиться. Пока белоснежная глазурь не вылилась на него сверху, а глазастые шедевры модного в окружении городского головы художника не облепили его изнутри. Пока вся вышеозначенная лепота не скрыла весело гремящей, диковато вращающей огнями, как глазами, монструозной глыбины.

Здесь будет символ водружен. С парадным подъездом.

Здесь, с парадным концертом — артист, собственными поступками подтверждающий, что искусство в этой стране несъедобно, если определяется исключительно в эстетических категориях. Лишь когда действо освящено политическим смыслом, идеологическим кондовым шумом, оно приобретает вкус, цвет и притягательность. Ростропович, безусловно, не творец этой мрачной картины, однако сама картина от этого не меняется. Только усугубляется с головокружительной интенсивностью. Состоялась еще одна культурполитическая акция из серии «Новое — это даже не забытое старое». Немного о музыке, чуть о себе и с три короба о различных абстракт-

парящей голограмме, лучами света изображающей легенду), два проектора давали изображение храма — как он не есть, но был и будет. Изображение опять дублируется. Разве не чудо? Разве не сказка (обыкновенно — страшная до невозможности ночью обернуться носом к стенке) — это осуществление детских фантазий типа «кабы я была царица... Я б для батюшки царя»? Разве не волшебство это чудесное изображение от сиротства? И обретение дворца с полцарством в придачу? Все это и взгромождалось теперь на берегу тяжелого, с бензиновыми радугами по мутной поверхности, потока. **Мой дом, моя крепость.** Ни к какой беде не равнодушный Ростропович с женой после концерта надели слепящие стерильной белизной строительные каски и, поулыбавшись фотоаппаратам, заложили четыре кирпича в пока еще фантастическую, с большим тяжелым телом и многими руками, ногами, глазами, ушами и ртами постройку.

Происходящее так и качалось все, с начала и до конца, от откровенного кича до уникального хеппенинга, задевая в полете музыкальные откровения (от полета и технические шершавости) в истине лучших традициях русско-советской исполнительской школы. Той, что смотрится теперь уже одиноким потерянном бронтозавром на урбанистическом фоне. Никто из авторитетных музыкантов этой уходящей школы еще не выстраивал художественного высказывания с подобной степенью психологического мастерства («Я дирижирую не инструментами, а людьми», — сказал однажды maestro), с такой глобальностью освоения пространства, актуальных идей, исторического контекста.

Но бесконечно разделять идеи творческие и весь этот государственный шорох вокруг можно только до определенного предела. Дальше сил нет. Мстислав Ростропович, конечно, знает, что если поблизости нет очередного символа, тогда **ничто** не происходит. На странно выстроенные программы, не слышанную еще в зрелищных пределах музыку никто не ходит. Однако толпы валят на Ростроповича. Отчего бы maestro не потрясти родной мир из исключительно музыкальных побуждений исключительно музыкальными жестами? Нет времени, жизнь в искусстве расписана по меньшей мере до 1998 года. А импровизации-выходы из жестких рамок почему-то намертво впаяны в галлюцинозные государственных амбиций. За это время здесь, в пространствах, много лет страдавших от многих разных пакостей, в том числе и от культуры, слышнейшей с идеологией, будет построена, с Ростроповичевой, к стати, помощью, Новая Россия. Полная символов, с парадным подъездом. В которой музыка, как повелось в России старой, будет звучать по политическому поводу, по идеологической канве. Подтверждая их и устанавливая. И творить вышеописанную зависимость станут снова и снова великие и авторитетные. Так повелось. И ни шагу назад. Стой, стрелять буду. А дивное чудическое-недостройка — не то затонувший фрегат, не то мультяшный громадный добрый робот, — весело погромыхая, исчезнет летучим призраком.

КОНСТАНТИН ЗАВРАЖИН

циях с большой буквы. («...И при слове «грядущее» из русского языка выбегают мыши...») Два года назад тот же герой уже заставил Национальный симфонический оркестр США отмораживать на Красной площади руки за идею. В том застывающем от пронизывающего ветра исполнении Торжественной увертюры Чайковского «1812 год» звучащий результат и громкий повод было не разлепить. Акустика недострой для той же музыки, впервые прозвучавшей в 1880 году на освящении Храма Христа Спасителя, оказалась гораздо пригоднее пустынного булыжного поля. В сравнении с тем мертвым полем выигрывал и визуальный ряд — смесь культовой архаики с дикими очертаниями одержимого стройкой бездонного мегаполиса. Неповторимым шармом пронизан сам вид гигантского чуда, в центре которого — человек, виолончельный, печальный или торжествующий, замкнутый или предельно открытый маленький музыкант. И предельно старательный, чуткий оркестр п/у Марка Горенштейна «Молодая Россия». Неповторимо эстетично и трогательно. На темную стену будущего алтарного пространства, которую после освящения уже никто посторонний не увидит, отгололом альтернативной идеи о Храме (перед строительством речь шла о постоянно